

Я — зерно

Я — зерно. Все мы — зерна. Мы едем на мельню,
Заклученные в пыльное брюхо мешка.
Корни отсечены. Колос небу не внемлет.
Тело — жернов сотрет. Я зерно. Я — мука...

Ограничены путами пыльной холстины —
Просто зерно, набитые в брюхо мешка.
Далеки от безжалостной, хворой, рутинной
Этой жизни. Мы просто зерно. Мы — мука...

Белым прахом осядем на белую плаху.
Отчий жернов утихнет, белей молока...
Я зерно. Во мне места нет горю и страху.
И любви места нет. Я — зерно. Я — мука.

...пахнет детство рекой и цветущими липами.
И синицей, запрятанной в теплый рукав...
Я — зерно. Но без хлеба родиться смогли бы мы?
Что дороже быть может ржаного куска?

Древний заговор путников и скитальцев

Моему отцу

Путь мой, будь моим другом,
Не будь врагом.
И когда брести буду
Наугад,
Я прошу,
приведи меня в отчий дом
И не дай малодушно свернуть назад.

Даже если навстречу —
букеты розг.
Даже если —
раскаты словесных гроз.
Даже если я буду дышать с трудом...
Путь мой, будь моим другом,
не будь врагом!

Сколько их — пока ненужных слов?
Сколько — никогда не пригодится?
Им не суждено в стихах родиться.
Стать живой основой всех основ.

Сколько их — пока ненужных слов?

В муках полуночной тишины,
Следуя по тропам проторенным,
Сколько их — во стройный ямб сплетенных:
Гневных, бранных, праведных, смешных —

В муках полуночной тишины?

Мать Изида

Заговорить с тобой — не смею,
Хотя тебя мне ближе нет.
Какой бы выгадать момент,
Чтобы священным скарабеем

Перед лицом судьбы, робея,
Короткий получить ответ.

А помнишь — девять лун минули.
И ты — полна, как тучный Нил,
Как будто Тот тебя манил, —
Шагнула в разъяренный улей

Потуг и болей... Чуть живая,
Клялась, наследье порождая:
«Ты будешь крайней, дочь моя.
Не быть единству — ты и я!»

Россия

Слишком много стало праздников —
Праздность вылилась в безволие.
Сплошь гулянки да застолия
Для слепых и безотказных.

Наша родина-страдалица,
Мать, вскормившая заблудших нас,
Мы надеемся на лучшее —
Да все камни с неба валятся...

Дети северной погибели,
Наши вдовы не наплачутся,
Пока гнемся в при погибели —
А за нами Кремль прячется...

Страна

Ее дороги неисповедимы...
Решаем мы,
Кто свят, а кто — распят.
Ценой каких чудовищных утрат
Мы восстаем из пепла невредимы?

Ее дороги — пыль да нищета...
И мы — к дороге гнемся ковылями.
Но стерпим. Сдюжим. И доковыляем.
Сполна чтоб расплатиться по счетам!

Зарисовка в рассветных тонах в подарок отцу

Мне снится стал один и тот же сон:
Мы у костра сидим
и наши тени
пьют лунный свет.
Но пышный цвет сирени —
Бледнеет с горизонтом в унисон:
Ночь тает...
В свете утренней зари
Мы обо всем на свете говорим...

*О смерть! Я — твой. Повсюду вижу
Одну тебя, — и ненавижу
Очарования земли.
Людские чужды мне восторги,
Сраженья, праздники и торги,
Весь этот шум в земной пыли.*
Федор Сологуб

Я Тебя вижу в каждом больном ребенке.
В каждом солдате, шагающем во строю.
В хрупких запястьях. И шрамах на горле тонком
Я Тебя вижу. И оду Тебе пою.

Если не Ты — кто напомнит, что мы не вечны?
Кто же втолкует, что время не враг, а друг?
Вижу Тебя. Но, поникнув душой увечной,
Я понимаю, что скоро замкнется круг.

Скоро сомкнутся век голубые створы.
Станут чужими объятья родимых рук.
Все-таки время коварно — берет измором...
Все-таки время враг. Да и Ты — не друг!

Но я Тебя вижу в каждом больном ребенке.
В каждом солдате, шагающем во строю!
Слышишь ли: голос тающий и негромкий?
Слышишь ли голос? Оду Тебе пою!

Из цикла «Трехстишия»

Разломлю я на две половины последнее, горькое
Яблоко. Все, что есть у меня, — для тебя только.
Все без остатка.

Мне вчера о тебе рассказало, смеясь и играя,
Клочковатое пенное облако — о тебе лишь мечтает,
сказало оно по секрету.

Открывая глаза ли, делая вдох ли, —
Каждый миг своей жизни
Любуюсь твоими плечами...

Из цикла «Узелковое письмо»

Портрет вдовы

Смотрит пустыми глазами.
И черный провал лица
Кутают руки
ее.
Слова
застревают в горле,
А в целом, звуки
Любые
тут были бы лишними.
Лампады горчат,
источают
Удушливый
вишневый
свет.
Мигают в ответ
на извечную бабью мантру:
«На кого же ты нас?»
Но бог не упас...
Напротив.
Ровнехонько в Спас
прибрал. Он угас.
Так быстро.
Природа мудра —
ее чрево полно червей.
Природа мудра.
И никто из нас —
не мудрей.
Ее провести на мякине совсем нельзя.
Моргнуть не успеешь —
И руки в инее, и глаза...

Он и Она

Она

пришла к Нему в самом разгаре ночи.
С собой — бутылка вина
и ворох стихов неоконченных.

Выключил лампу.
Слушал сосредоточенно.
Она — непрерывно пила и читала.

Неужели все кончено?!

Он поймет приближенье разлуки
По ее речам полуарктическим,
по улыбке-пальцам-плечам
нордическим.

Воздух — сплошные разряды статические.
Статистически —

Он сколько
протянет

без этой грешницы?

Впору вешаться...

А Она хохочет,
барабанит пальцами по столешнице.

Говорит,
что Он только на ночь-то и годится —
утешиться.

...а потом рыдает,
просит на коленях прощения.
Ощущение,
что Он уже где-то
видел
все это...

Она: дрожащая, хрупкая,
полуодетая.

И только ленивый
бросить Ее не советовал.

Летом
Все было иначе...

Она лишь плачет —
Желает ему с другой нимфой удачи.

Он молчит.
Однако
глаза не прячет.

